

О состоянии Бородинского военно-исторического музея в 1920-е годы

В Государственном архиве Московской области (ГАМО) сохранился комплекс документов, который относится к функционированию Бородинского военно-исторического музея во второй половине 1920-х годов. Источники представлены перепиской между музейным подотделом Московского отдела народного образования (МОНО) и местными органами власти Можайского уезда и Бородинской волости по вопросам финансирования, а также научной и экскурсионной работы Бородинского музея. Особую ценность представляют отчеты музея за 1926–1929 гг., содержащие данные о штате, научно-исследовательской, методической и экскурсионной работе, комплектовании экспонатами, ремонте помещений и т.п. Следует выделить также акты сдачи и приема музейного имущества, к которым прилагались перечни и описи экспонатов. О работе Бородинского музея позволяют судить протоколы заседаний Бородинского волостного исполкома и отчеты инспекторов Мосгубмузея.

В послереволюционный период Бородинский музей был отнесен к разряду учреждений культуры местного значения и передан отделу народного образования Мосгубисполкома. С 1926 г. музей стал непосредственно подчиняться Мосгубмузею. Эта переподчиненность не могла не сказаться на финансировании музея. 11 марта 1926 г. завгубполитпросветом Московской губернии информировал музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР о том, что переданные в подчинение Мосгубмузея Бородинский, Дмитровский и Звенигородский музеи «состоят на местном бюджете, в силу чего, не имея о них никаких сведений, Мосгубмузей не мог их включить в планы и смету на 1926 г.»².

Кроме того, по вопросу о состоянии работы в Бородинском музее начинают возникать бюрократические трения между местными органами власти и ведомственными учреждениями. 5 августа 1926 г. музейный подотдел МОНО обращается в Можайский уездный исполком с просьбой «не тормозить работу, а оказывать всестороннее содействие в проведении в жизнь исходящих от музейного подотдела распоряжений и намеченного плана работы по Бородино»³. В свою очередь, Бородинский волостной исполком (ВИК), на территории которого располагался музей, на своих заседаниях резкой критике подвергал МОНО за недостаточное финансирование Бородинского музея. В частности, в протоколе заседания Бородинского ВИК от 3 июля 1928 г. указывалось на «ненормальный отпуск со стороны МОНО средств для административно-хозяйственных расходов» и слабую кадровую политику. В решении ВИК особо подчеркивалась необходимость «просить МОНО об установлении тесной увязки и согласованности с ВИК по части работы военно-исторического музея, так как до этого никакой увязки МОНО с ВИК не чувствовалось»⁴.

Отметим также, что в официальной переписке того времени Бородинский музей имел различные названия: Бородинский военно-исторический музей, Бородинский музей, военно-исторический музей, музей «Бородино», хотя в нормативных актах он значился как Военно-исторический музей «Бородино».

В условиях общегосударственной политики экономии бюджетных средств перед руководящими местными органами власти и ведомствами остро стоял вопрос о штатном расписании Бородинского музея и его финансировании.

До реорганизации музея в 1926 г. его заведующим был Алексей Яковлевич Смирнов, служивший здесь еще с 1911 г. Ему помогала жена Мария Сергеевна, работавшая уборщицей. В октябре 1926 г. заведующим

музеем был назначен Георгий Васильевич Мухин, а А.Я. Смирнов – комендантом; М.С. Смирнова осталась при своей должности⁵. Однако обязанности между заведующим музеем и комендантом не были четко определены; возникли затруднения и в определении должностного оклада Смирнова. Во время проверки Бородинского музея весной 1927 г. было решено заработную плату коменданту из-за его «малоподготовленности и малограмотности» установить в размере 40 руб. (получал 63 руб.). Подобное решение вызвало недовольство А.Я. Смирнова, и в 1928 г. он подает заявление в МОНО, в котором сообщает: «На меня возлагается много других обязанностей: быть заместителем, дворником, истопником, а в летнее время убирать перед музеем дорожки, клумбы, батарею Раевского, Главный памятник и осматривать остальные памятники в радиусе 5 верст. В летний сезон посещаемость музея и полей доходит до 1000 человек в месяц и потому отсутствует заведующий на повседневных частых экскурсиях. Я же безотлучно нахожусь при единичных посетителях, или... сопровождаю экскурсии. И поэтому прошу указать мне определенную обязанность»⁶.

По разработанной должностной инструкции в обязанности заведующего музеем стали входить финансово-хозяйственные, научно-исследовательские и экскурсионные вопросы, а коменданта – охрана памятников на Бородинском поле⁷.

МОНО по требованию Бородинского ВИК сокращает численность работников музея с трех штатных единиц до двух. По этому поводу в протоколе ВИК от 3 июля 1928 г. было указано: «Существующий штат в музее в числе трех человек (завмузеем, сторож и уборщица) при данной работе музея преувеличен, где без всякого ущерба представляется возможным обслуживание музея двум работникам, т.е. завмузеем и сторожем, возложив обязанности уборщицы на последнего (на сторожа)»⁸.

Но это сокращение вызвало конфликтную ситуацию между бывшей уборщицей музея М.С. Смирновой и МОНО. В своем заявлении в МОНО, обосновывая несправедливость подобного решения, она приводит интересные данные, связанные с историей Бородинского музея. Мария Сергеевна пишет: «С 1911 года я с мужем А.Я. Смирновым работаем в музее. В самое трудное время его сохранения, равно и охране памятников, которых на 5–6 верст расстояния в радиусе 36... не один год работала без всякой оплаты, и немало было случаев рискованного для жизни, так как находились охотники по добыче меди и снятия доски надписей, то отвинчивания орлов. За задержку таковых платились нападением... За эти годы я добила оклада в 37 руб. в месяц, теперь за проработанные 17 лет сократить подразумевают»⁹. Комитет рабпросвета Можайского уезда поддержал заявление М.С. Смирновой и потребовал от МОНО направить своего представителя для решения трудового конфликта на месте. Руководство МОНО пошло на компромиссное решение: М.С. Смирновой было разрешено временно в летний период исполнять обязанности уборщицы¹⁰.

Судя по отчетной документации, музей располагался в новом здании на месте бывшей сторожки, построенном к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года («Здание на открытом Бородинском поле, против Главного памятника, выстроенное к 100-летию 1812 года. Здание каменное с хорошей отделкой»). Первоначально музей располагался в двух комнатах, но после капитального ремонта в 1927 г. стал размещаться в четырех помещениях с общей площадью 170 м². Две комнаты предназначались для проживания сотрудников (50 м²)¹¹. На территории музея располагался также каменный сарай под железной крышей.

Во время обследования Бородинского музея в 1926 г. члены комиссии настоятельно рекомендовали провести капитальный ремонт

здания. В акте, составленном комиссией, указывалось: «Отштукатурить фундамент здания, мелкий ремонт крыши, сарая и выкрасить. Необходима перестилка полов в трех комнатах (сгнил накат и часть балок), исправить паркетный пол в музее (сгнили балка, паркет на клетках). Окраска полов и трех комнат после ремонта». Планировался также и ремонт печей. Смета расходов составила 1700 руб.¹²

В неудовлетворительном состоянии были почти все 36 памятников, воздвигнутых на Бородинском поле в XIX – начале XX в. Перечень всех дефектов на монументах был приведен в акте комиссии от 8 июня 1926 г. По нашим подсчетам, только треть памятников (11, или 30,5%) оказалась в относительно удовлетворительном состоянии, а остальные (25, или 69,5%) требовали срочной реставрации. Судя по акту, повреждения носили разнообразный характер: разрушенный фундамент, утрата отдельных медных, чугунных или бронзовых фрагментов на памятниках, отсутствие полностью или частично оград, мемориальных досок с надписями и т.п. Для проведения восстановительных работ на Бородинском поле выделялось 1200 руб.¹³

О трудностях в вопросах реставрации и сохранения уникальных памятников на Бородинском поле свидетельствуют и решения местных властей. Так, на заседании Бородинского ВИК от 3 июля 1928 г. руководству музея указывалось: «Принимая во внимание, что часто имеются случаи порчи памятников и других ценностей со стороны населения, необходимо работникам музея установить строгий надзор за содержанием всех ценностей, принадлежащих музею»¹⁴.

Одновременно Бородинский ВИК рекомендовал МОНО принять необходимые меры по реставрации исторических памятников на Бородинском поле и выделить на эти цели ассигнования. В письме в адрес Бородинского ВИК от 26 июля 1928 г. руководство МОНО

информировало, что «на ремонт разрушенных памятников предусмотрено отпустить средства с нового бюджетного года»¹⁵. Но, понимая важность и необходимость проведения реставрационных работ на Бородинском поле, 20 сентября 1928 г. МОНО сообщает Г.В. Мухину об отчислении на ремонт памятников 1218 руб. При этом было указано: «Расходование средств на ремонт и наем рабочей силы надлежит Вам лично»¹⁶. Указанные работы были осуществлены в 1929 г. 1 октября 1929 г. Мухин сообщает в МОНО: «Бородинский музей просит выслать т. Пустоханова (сотрудник МОНО. – *М.П., Е.П.*) для технического осмотра и приемки работ по ремонту памятников Бородинского поля (ремонт окончен)»¹⁷. 9 декабря 1929 г. был подписан акт о проведенных реставрационных работах на Бородинском поле. Судя по акту, ремонту подвергся 31 памятник. Проведены были как косметические (укрепление и оштукатуривание фундамента, покраска оград), так и реставрационные (восстановление недостающих деталей на памятниках и оградах) работы. Например, на Шевардинском редуте были установлены ядра и укреплены пушки, на могиле генерала Неверовского поставлен крест, а на надгробии Багратиона укреплены чугунные углы и выровнена гранитная мостовая, на батарее Раевского окрашены решетки, на памятнике Московского полка восстановлены надписи и т.д. Однако после реставрационных работ некоторые памятники изменили свой первоначальный вид. Так, на часовне был снят крест и кирпичом заложены два окна и дверь, а на обелиске конной артиллерийской бригады были сняты две пушки и перенесены на территорию музея¹⁸.

На содержание Бородинского музея во второй половине 1920-х годов ежегодно выделялось от 2966 руб. до 3754 руб. Бюджет музея по годам распределялся следующим образом: в 1926 г. было выделено 3095 руб., 1927 г. – 3567 руб., 1928 г. – 3754 руб. и 1929 г. – 2966 руб. Причем

от руководства музея постоянно требовали экономить бюджетные средства. Так, в 1928 г. из выделенной суммы в размере 3754 руб. было израсходовано только 3251 руб. (т.е. 86,5% от бюджета). Экономия по фонду заработной платы составила 48 руб., а по статье административно-хозяйственные расходы – 454 руб.¹⁹

В своей работе в 1920-е годы Бородинский музей особое внимание уделял комплектованию и учету экспонатов, организации и проведению экскурсий. Основными источниками пополнения запасников музея экспонатами были ведомственные учреждения и местное население. Обычно это осуществлялось путем дарения, передачи в постоянное пользование и покупки. Так, в отчете музея за 1929 г. отмечается, что приобретено «несколько экспонатов от местных крестьян, найденные в этой местности и купленные у отдельных жителей здесь и в Москве»²⁰. Ценными экспонатами пополнился музей в результате служебной командировки Г.В. Мухина в мае 1929 г. в Ленинград. В своем отчете он писал: «Эта поездка в Ленинград... оправдывает себя тем, что я для пополнения музея нашел ряд ценных экспонатов: 1) рельеф Бородинского сражения; 2) шесть штук картин художника Рубо большого формата Бородинского сражения»²¹.

По результатам командировки Мухина МОНО направляет в Военно-техническую академию г. Ленинграда ходатайство с просьбой передать Бородинскому музею «экспонаты, относящиеся к Бородинскому сражению – рельеф и шесть картин видов сражения, а также два маленьких ящика с формами одежды»²². В ответ на данное ходатайство начальник Военно-технической академии Исаев 20 мая 1929 г. писал в адрес МОНО: «Принципиальных возражений с нашей стороны о передаче экспонатов, относящихся к Бородинскому сражению, в МОНО не имеется. Окончательно передача может быть произведена по согласованию этого

вопроса с ПУРОм и получение от него согласия на передачу»²³. 27 мая 1929 г. МОНО обращается в Политическое управление Реввоенсовета с просьбой разрешить передачу соответствующих экспонатов в Бородинский музей²⁴. К сожалению, ответ из Политуправления в делах не обнаружен, но, по-видимому, он был положительным. На это указывает отчет музея за 1929 г., в котором перечисляются экспонаты, полученные из Военно-технической академии: «рельеф панорамы Бородинского боя и шесть видов больших картин, изображающие отдельные эпизоды Бородинского сражения художника Рубо и виды форм одежды русской и французской армий»²⁵.

В 1929 г. коллекция материалов Бородинского музея пополнилась 349 экспонатами из упраздненного музея «Кутузовская изба». Среди новых поступлений были картины, литографии, иконы, гравюры, лубки, фотографии, бюсты, статуи и т.д.²⁶ По поводу использования новых экспонатов в отчете музея за 1929 г. отмечалось, что планируется специальная выставка, основанная на материалах бывшего музея «Кутузовская изба»²⁷. Ценные экспонаты поступили в Бородинский музей и в 1928 г. По этому поводу в годовом отчете отмечалось: «Приобретены Верещагинский альбом, формы одежды русской армии, а также документы Отечественной войны и Бородинского сражения»²⁸.

Большую помощь в комплектовании музею оказывал музейный отдел МОНО. Так, 27 февраля 1928 г. заведующий музейным отделом Клабуновский предложил Мухину «изъять из усадьбы “Поречье” Можайского уезда пушки, хранящиеся там, и перевезти в музей “Бородино”»²⁹.

Активную работу Бородинского музея по комплектованию своих запасников экспонатами отмечали и местные органы власти. В протоколе Бородинского ВИК от 3 июля 1928 г. рекомендовалось музею

«продолжить... производить пополнение историческими ценностями, привлекая население к сдаче найденных исторических вещей, относящихся к Бородинскому бою 1812 года, а также через устройство раскопки»³⁰.

Однако в Бородинском музее слабо был поставлен учет и описание хранящихся экспонатов. В акте комиссии от 8 июня 1926 г. о состоянии музея отмечалось: «Хранителем музея описи предъявлены не были, так как таковые отправлены по требованию Можайского уездного исполнительного комитета в распоряжение последнего. Причем по заявлению хранителя музея часть музейного имущества в опись не внесена»³¹. В оперативном порядке членами комиссии была составлена опись всем экспонатам Бородинского музея. Эта опись представляет краткий суммарный перечень имеющихся предметов, с указанием их названия и количества («гранат и бомб 32, картечи 46, осколков бомб 9, эфес сабли 1» или «портретов, гравюр и фотографий под стеклом 312, портретов маслом 10» и т.п.).

Руководство МОНО и музея понимало и историческую значимость тех памятников, которые располагались на Бородинском поле. В отчете музея за 1927 г. указывалось: «Большую историческую ценность представляет само Бородинское поле, где... хорошо сохранились позиционные укрепления: Шевардинский редут, Багратионовские флеши и Семеновский монастырь (речь идет о Спасо-Бородинском монастыре. — *М.П., Е.П.*)... а также батарея Раевского»³². В этой связи делаются первые попытки провести систематизацию и описание монументам и памятникам, сооруженным на Бородинском поле. В архивных фондах ГАМО за 1926–1929 гг. обнаружены три описи этим памятникам. Первая датируется 1926 г. и содержит описание дефектов на памятниках. Вторая опись, датируемая 9 декабря 1929 г., включает перечень проведенных

реставрационных работ на памятниках. Третья опись также относится к 1929 г. и включает перечень всех учтенных памятников на Бородинском поле. Анализ содержания указанных описей свидетельствует об отсутствии унифицированного описания памятников. Так, в одном случае указано «2-я гренадерская дивизия», а в другом – «2-я сводная гренадерская дивизия гр. Воронцова». Другой пример. В одной описи зафиксирован памятник «109-го пехотного Волынского полка», а в другой – «1-го и 19-го егерских полков и 109-го пехотного Волынского полка» и т.д. Внутри описей (особенно первой и третьей) памятники зафиксированы бессистемно, нумерация одних и тех же памятников не совпадает³³.

На недостатки научно-исследовательской деятельности Бородинского музея указывал в своем отчете от 10 марта 1927 г. старший инспектор Мосгубмузея С.Г. Макеев. В частности, он констатировал, что «музей Бородино в настоящее время с точки зрения научной постановки довольно сильно хромает и имеющейся материал научно не описан, часть имеется без паспорта и все это размещено случайно, без системы, без определенной идеи и стержня, по которому должен бы стремиться музей. Каталог не имеется, путеводителя нет. Необходимо же приступить к проработке плана реорганизации музея, введя в план работы и круг экскурсионной работы и все памятники, монументы, разбросанные на Бородинском поле»³³.

Музейный подотдел МОНО, понимая важность научного учета экспонатов музея, делает попытки регламентировать приемы их научного описания. 6 апреля 1928 г. заведующий музеем Мухин сообщает в МОНО, что все имущество «заинвентаризовано по новой форме с основания музея 1926 г., которая была дана музейным подотделом еще в прошлом году». 16 апреля он вновь сообщает в МОНО, что «инвентаризация экспонатов и

имущества была проведена по новой форме с основания музея, принятого мною с октября 1926 года»³⁴.

Музей делает и первые попытки научной систематизации экспонатов, размещенных в экспозициях. В отчете музея за 1929 г. отмечалось: «Была заново переделана экспозиция музея, где достигли большей точности в расположении хронологического порядка экспонатов»³⁵. О работе Бородинского музея по упорядочению экспонатов отмечали и местные советские органы власти. В протоколе Бородинского ВИК от 3 июля 1928 г. указывалось: «Восстановлен порядок внутри музея в части распределения особых ценностей путем устройства четырех обособленных отделов»³⁶.

Недостаточно комплектовался библиотечный фонд Бородинского музея. По данным на 1926 г., в библиотеке насчитывалось 150 книг, а также справочная литература (путеводители, опись памятников на Бородинском поле, альбомы, планы). По отчету музея за 1928 г. в библиотеку поступили редкие издания, в том числе «Отечественная война 1812 г.» В 1929 г. библиотечный фонд пополнился 31 книгой³⁷. Но четкой систематизации и учета книжного фонда в музее не было. Единицами учета были тома, брошюры, «штуки», книги, тетради и т.п.

Во второй половине 1920-х годов постепенно организуется научно-исследовательская работа музея. Благодаря стараниям Мухина были установлены научные связи с Можайским краеведческим музеем. В 1927–1929 гг. заведующий музеем выступал с докладами на губернской конференции по музейному делу в ГИМе, в Обществе краеведов по изучению Московской губернии, просветительской конференции в Можайске; частыми были его выступления перед местными жителями³⁸.

Вместе с тем вышестоящие организации ставили задачу активизации работы музея в области просветительской деятельности. В решении

Бородинского волисполкома от 3 июля 1928 г. четко указывалось: «В целях большей научной популяризации считать желательным создание музейного путеводителя “Бородино”, на что имеется большой спрос со стороны населения»³⁹. Это предложение Бородинского ВИК встретило поддержку со стороны руководства МОНО. В письме заведующего музейным подотделом МОНО от 25 июля 1928 г., адресованного в Бородинский ВИК, подчеркивалось: «Издание путеводителя губмузей признает своевременным и поручает завмузеем подготовить текст путеводителя размером 1–1,5 печ. листа»⁴⁰. В соответствии с решениями вышестоящих организаций Мухин направляет в МОНО заявку на ассигнование работ по изданию путеводителя и комплекта открыток в количестве 36 экземпляров с видами исторических памятников на Бородинском поле. В МОНО было решено выделить денежные средства на издание открыток только после реставрации памятников на Бородинском поле. Что касается издания путеводителя, то Мухину было предложено подготовить текст рукописи и представить его на обсуждение в МОНО⁴¹. Судя по отчету музея за 1929 г., в январе рукопись путеводителя была представлена в МОНО, но его издание затягивалось.

Стремясь как-то ускорить издание путеводителя, Мухин постоянно обращает внимание руководство МОНО на то, что экскурсанты «просят... выпустить путеводитель по Бородино и виды памятников»⁴². В то же время через Бородинский музей шла реализация изопroduкции, посвященной Отечественной войне 1812 года. Сохранилась расписка Мухина в получении более 2 тыс. открыток по данной тематике для реализации среди посетителей музея. Одновременно запрещалась распродажа дореволюционных изданий по Бородинскому музею. 9 декабря 1929 г. заведующий музейным подотделом МОНО Клабуновский информировал Мухина о том, что «музейный подотдел предлагает Вам не

раздавать и не продавать кому то ни было какие-либо издания по Бородино, вышедшие до 1918 года»⁴³. Так в культурно-просветительских учреждениях страны вводился жесткий идеологический и административный контроль за реализацией печатной продукции.

Во второй половине 1920-х годов особую активность и оживление приобретает экскурсионная работа в Бородинском музее. Об этом свидетельствуют данные годовых отчетов о посещаемости музея населением (см. табл. 1). За период с 1920 по 1929 г. количество экскурсантов Бородинского музея увеличилось с 200 до 8540 человек (т.е. возросло в 43 раза). Заметно прибавилось число посетителей после передачи музея в ведение Мосгубмузея. Только за 1927–1929 гг. число посетителей составило столько же, сколько за 1920–1926 гг. (19 409 человек против 20 561 человека, т.е. 48,6 % против 51,4%).

Таблица 1**Число посетителей Бородинского музея в 1920–1929 гг.**

Год	Число посетителей, человек	% к итогу
1920	200	0,5
1921	488	1,2
1922	2620	1,6
1923	3972	9,9
1924	4054	10,1
1925	4032	10,1
1926	5195	13,0
1927	5616	14,1
1928	5253	13,1
1929	8540	21,4
Итого	39 970	100,0

Источник: ГАМО. Ф. 966. Оп. 4. №1055. Л. 1; №1792. Л. 114–116; №2338. Л. 11.

Таблица 2***Социальный состав посетителей Бородинского музея, 1926–1929 гг.**

Социальная группа	1926	1927	1928	1929	Итого	% к итогу
Крестьяне	970	1387	1774	1192	5323	21,6
Рабочие	1045	1181	1170	1378	4774	19,4
Служащие	660	676	884	631	2851	11,6
Военнослужащие	1628	1343	185	2954	6110	24,8
Учащиеся	856	868	1240	2385	5349	21,7
Прочие	36	161	–	–	197	0,9
Итого	5195	5616	5253	8540	24 604	100,0

Источник: ГАМО. Ф. 966. Оп. 4. №1055. Л. 1; №1792. Л. 114–116; №2338. Л. 11.

Довольно разнообразным был и социальный состав посетителей (см. табл. 2). Основными категориями посетителей являлись военнослужащие (24,8%), затем учащиеся (21,7%), крестьяне (21,6%), рабочие (19,4%) и служащие (11,6%). Для красноармейцев и учащихся посещение Бородинского музея имело просветительское и политико-воспитательное значение, для остальных слоев населения – интерес к военной истории России.

Посещения носили как коллективный, так и индивидуальный характер. Как правило, для коллективного посещения организовывались экскурсии, которые до 1927 г. проводились А.Я. Смирновым, а затем – Г.В. Мухиным. Групповые экскурсии нередко оформлялись предварительными заявками. Например, в августе 1926 г. в адрес музея пришла заявка следующего содержания: «Завмузеем Бородино. Политотдел Первой красноармейской бригады просит оказать содействие по ознакомлению их с историческими ценностями Бородинского поля»⁴⁴.

Судя по отчетной документации, коллективные посещения музея преобладали над индивидуальными. Заведующий музеем Мухин пытается организовать экскурсии и для одиночных посетителей. Обычно для них проводились экскурсии по залам музея. В отчете за 1928 г. по этому поводу указывалось: «Одинокие обслуживаются только в музее. По полю ходить не представляется возможным. Организованные группы обслуживаются завмузеем»⁴⁵.

Среди посетителей музея были и иностранцы. Так, в отчете за 1926 г. были зафиксированы зарубежные посетители из Германии, Франции и Японии (13 человек)⁴⁶.

Проводимые в Бородинском музее экскурсии вызывали повышенный интерес посетителей. Сохранился перечень вопросов,

задаваемых слушателями экскурсоводу в 1926 г. Приведем наиболее типичные из них:

- Чья победа была при Бородино?
- В каком году поставлен Главный памятник на батарее Раевского?
- Сколько на поле Бородино братских могил?
- Сколько убито и взято в плен французских и русских генералов?
- Сколько выбыло из строя французских и русских солдат на

Бородинском поле?

- Какие экспонаты хранятся в Бородинском музее?⁴⁷

Большую методическую помощь по организации и проведению экскурсий на Бородинском поле работникам музея оказывал профессор Военной академии РККА А. Балтийский, который сам проводил здесь регулярные занятия со слушателями академии. Явно не без помощи А. Балтийского была подготовлена схема маршрута посещения экскурсантами Бородинского поля, а также карта-схема расположения исторических памятников на этом поле (карта-схема прилагается к отчету музея за 1929 г.)⁴⁸. Маршрут пешей экскурсии по Бородинскому полю начинался на Шевардинском редуте, где экскурсовод рассказывал о начальном этапе Отечественной войны 1812 года и событиях, предшествовавших Бородинскому сражению (продолжительность 1 час). Далее экскурсанты направлялись к Багратионовским флешам и знакомились с ходом Бородинской битвы. Следующий этап экскурсии был связан с посещением Спасо-Бородинского монастыря и домика-музея игуменьи Марии (продолжительность пребывания на Багратионовых флешах и монастыре 2 часа). Далее экскурсанты двигались к батарее Раевского, где в течение часа делался общий обзор Бородинского боя и его исхода. Экскурсия завершалась посещением музея и ознакомлением с его

экспозицией Бородинской битвы. Общая продолжительность пешей экскурсии составляла 5–6 часов⁴⁹.

Итак, история музея «Бородино» в 1920-е годы была довольно сложной и противоречивой. Но, несмотря на ведомственные, финансовые и кадровые затруднения, музей постепенно превращался в один из центров по сбору, хранению и использованию экспонатов, связанных с Бородинским сражением.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАМО. Ф. 966. Оп. 3. №1486. Л. 60. Оп. 4. №1055. Л. 3; *Горбунов А.В.* Музеефикация Бородинского поля и развитие Бородинского музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: История. Памятники. Проблемы. М., 2005. С. 40–41.
- ² ГАМО. Ф. 966. Оп. 3. №1486. Л. 60.
- ³ Там же. Оп. 4. №1055. Л. 3.
- ⁴ Там же. №2338. Л. 9–9об.
- ⁵ Там же. №1792. Л. 114–116.
- ⁶ Там же. №2338. Л. 7.
- ⁷ Там же. №1792. Л. 114.
- ⁸ Там же. №2338. Л. 9.
- ⁹ Там же. Л. 15.
- ¹⁰ Там же. Ф. 966. Оп. 4. №1792. Л. 146; Ф. 4341. Оп. 1. №243. Л. 8.
- ¹¹ Там же. Ф. 966. Оп. 3. №1486. Л. 6–7; Оп. 4. №1792. Л. 114–116; №2238. Л. 11.
- ¹² Там же. Ф. 966. Оп. 4. №1055. Л. 6об.
- ¹³ Там же. №1055. Л. 7–8об; №1792. Л. 146.
- ¹⁴ Там же. №2338. Л. 9.
- ¹⁵ Там же. Л. 10.
- ¹⁶ Там же. Л. 11, 17.
- ¹⁷ Там же. Ф. 4341. Оп. 1. №243. Л. 8.
- ¹⁸ Там же. Л. 12–14.
- ¹⁹ Там же. Ф. 966. Оп. 3. №1055. Л. 2; Оп. 4. №1792. Л. 114–116, 146.
- ²⁰ Там же. Оп. 4. №1792. Л. 147.
- ²¹ Там же. Ф. 4341. Оп. 1. №243. Л. 4–9.
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ Там же. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Л. 5.
- ²⁵ Там же. Ф. 966. Оп. 4. №1792. Л. 146.
- ²⁶ Там же. №2505. Л. 27–28, 35.
- ²⁷ Там же. №1792. Л. 146.
- ²⁸ Там же. Л. 114–146.
- ²⁹ Там же. №2338. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Л. 9.

- ³¹ Там же. №1055. Л. 6–6об.
- ³² Там же. №2338. Л. 12об.
- ³³ Там же. Ф. 966. Оп. 4. №1048. Л. 36об.; №1055. Л. 8–8об.; №1792. Л. 148-148об.; Ф. 4341. Оп. 1. №243. Л. 12–14.
- ³⁴ Там же. Ф. 966. Оп. 4. №2338. Л. 4–5.
- ³⁵ Там же. №1792. Л. 148об.
- ³⁶ Там же. №2338. Л. 9.
- ³⁷ Там же. №1055. Л. 6об.–7; №1792. Л. 114, 146.
- ³⁸ Там же. №1792. Л. 114–116.
- ³⁹ Там же. №2338. Л. 9об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 10.
- ⁴¹ Там же. Л. 14–15, 17.
- ⁴² Там же. №1792. Л. 148–148об.
- ⁴³ Там же. Ф. 966. Оп. 4. №2338. Л. 18; Ф. 4341. Оп. 1. №243. Л. 16.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 966. Оп. 4. №1055. Л. 4.
- ⁴⁵ Там же. №1792. Л. 115; №2338. Л. 11.
- ⁴⁶ Там же. №1055. Л. 1.
- ⁴⁷ Там же. Л. 5–5об.
- ⁴⁸ Там же. №1792. Л. 150.
- ⁴⁹ Там же. №1792. Л. 148–148об.; №2338. Л. 12–12об.